

УДК 271.2“17”

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.4>

Епископ Иннокентий (Нерунович): МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА...

И. И. Юрганова

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность иркутского епархиального архиерея – епископа Иннокентия (Неруновича), возглавлявшего епархию в 1733–1747 гг., получившая различные оценки исследователей. Обосновано, что первоначальные устремления архиерея по христианизации коренного населения Восточной Сибири остались в большинстве нереализованными, в том числе из-за конфликтов с местной светской властью. Епископ Иннокентий не сумел или не захотел понять и принять специфику сибирской идентификации, представляющей полифонию разноязычных и разноплеменных народов, чуждых нормам и традициям христианства. Нежелание архиерея идти на компромиссы, пренебрежение к реалиям сибирской действительности, жесткие меры к представителям купечества и духовенства привели его к изоляции от местного общества. Сформулирован вывод о том, что драма Неруновича состояла в аффилиации к традиционному православию без учета ментальности и сделала невыполнимой его миссию по духовному окормлению и наставлению восточносибирской паствы. Наряду с этим деятельность архиерея по христианизации нерусского населения оставила след в истории сибирского православия.

Ключевые слова: епископ Иннокентий (Нерунович), миссионерство, Иркутская епархия, А. П. Жолобов, А. М. Плещеев.

Для цитирования: Юрганова И. И. Епископ Иннокентий (Нерунович): миссия невыполнима... // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 4–14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.4>

Значимой вехой истории Русского государства стало включение в его состав сибирских территорий. Сибирь, величайшая часть Азии, превратила Россию в «бесконечно большое» пространство, в том числе в контексте взаимовлияния этносов и культур [3, с. 21]. Продвижение на восток – «навстреч солнцу» охватывало новые территории, административное освоение которых сопровождалось освоением хозяйственным и социально-культурным, утверждая примат православной веры, когда *patio* было неотделимо от *confession*. Вместе с тем сибирские земли были полицентричны, поликультурны, и их этнокультурный компонент был константой сложно-подчиненной иерархии идентичностей. Поэтому одним из целеполаганий государства стала необходимость конструирования универсальной матрицы

миросоздания, основанной на православных ценностях, и принципиальной частью освоения новых территорий была и оставалась христианизация. Ответом на запрос государства стало образование епархии (затем митрополии) с центром в Тобольске (1620 г.). По мере освоения восточных территорий, строительства укрепленных центров (острогов) и оформления органов управления начинает формироваться церковно-административная структура. Возведение православных храмов, христианизация местных этносов и распространение православия в пестрой полиэтничной среде обусловили необходимость выделения самостоятельной церковно-административной единицы Восточной Сибири – Иркутской епархии (1727 г.), территория которой на протяжении XVIII–XIX столетий неоднократно коррелировалась и которая к концу XVIII в. стала самой крупной в составе Русской православной церкви с охватом двух континентов.

Первый иркутский епископ Иннокентий (Кульчицкий)¹ возглавлял епархию около четырех лет. Уроженец Киева, прибыв в Иркутск (1722 г.), он «свыкся с краем и не приносил жалоб» [5, с. 8]. Впоследствии указом Синода епископ Иннокентий был причислен к лику святых (1804 г.).

Деятельность второго епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича) была более длительной – 15 лет и имеет противоречивые оценки и результаты.

К изучению жизненного пути владыки Иннокентия (Неруновича) обращались как светские, так и церковные авторы. Очевидно, что в сочинениях последних присутствует исключительно позитивный дискурс деяний архиерея, а все его неуспехи объяснялись препонами, чинимыми ему местной гражданской властью, главные персоны которой представлены как минимум казнокрадами и лихоимцами [2; 4]. Безусловно, отдаленность восточносибирских территорий от центра привносила свои коррективы в функционирование местной администрации по принципу «до царя далеко, до Бога высоко...», но можно предположить, что в бесконечных конфликтах светской и духовной властей Восточной Сибири виновны были обе стороны. Так, А. П. Санников указывает, что личность епископа Иннокентия была сложной и противоречивой, а О. Е. Наумова, отмечая его неуступчивость и бескомпромиссность, пишет о том, что многолетнее противостояние с гражданской властью сделало его подозрительным и недоверчивым [10, с. 50; 6, с. 44].

Обращение к источниковому потенциалу, а именно к документам Синода², предоставило возможность реконструкции событий трехвековой давности, основывающейся на доношениях (донесениях) самого визави и его оценке происходящих событий³. Следует заметить, что в отличие от своего предшественника епископ Иннокентий постоянно обращался в Синод и Си-

---

¹ Иннокентий (Кульчицкий) (1680/1682–1731), уроженец Малороссии, выпускник Киево-Могилянской духовной академии, преподавал в Московской славяно-греко-латинской академии, нес службу в Александро-Невской лавре и на флоте. В 1727–1731 гг. – первый епископ Иркутский и Нерчинский.

² Святейший правительствующий синод – высший орган церковно-государственного управления Русской церковью в 1721–1917 гг.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 18. Д. 69, 70.

бирскую канцелярию с просьбами о помощи и жалобами на окружающую его действительность. Заметим также, что в соответствии с логистикой путей сообщения первой половины XVIII столетия корреспонденция из Иркутска в Санкт-Петербург и обратно доставлялась на протяжении нескольких лет, но и с учетом длительности пути архиерей не получал какой-либо ощутимой помощи и/или поддержки ни от высшей церковной власти, ни от власти светской.

Жизненный путь Иоанна Неруновича начался в Малороссии (1690 г.). Будущий епископ происходил из семьи сельского священника Киевской епархии и, продолжая семейные традиции, избрал духовное поприще, окончив духовную академию в Киеве, получение образования в которой свидетельствует о высоком уровне его познаний. Не имеется сведений, почему академик Нерунович выбрал монашество и был ли это осознанный выбор или дань жизненным обстоятельствам, но после пострига он уезжает в Москву и в 1728 г. трудится сначала в качестве преподавателя знаменитой Славяно-греко-латинской духовной академии⁴, а затем в должности ее префекта [8, с. 117]. Это была прекрасная карьера для сына сельского батюшки, когда в 1732 г. 42-летнего иеромонаха хиротонисуют во епископа и назначают на далекую и вакантную иркутскую кафедру.

Иркутск, ставший в 1724 г. административным центром провинции, имел важное значение в управленческой политике окраинами: сюда поступал основной объем пушны из Якутии; города Нерчинск и Селенгинск были пограничем с Китаем, а Илимск – крупнейшей хлебной житницей Восточной Сибири [1].

На основании косвенных источников можно предположить, что новопосвященным епископом данное назначение было воспринято с воодушевлением. Свидетельством этого является его интерес к Сибири, сведения о которой он стал собирать, будучи в Москве, где им был подготовлен проект программы христианизации коренного населения Восточной Сибири.

Но реальность оказалась прозаичной. Прибыв осенью 1733 г. к месту служения, когда город переживал события «Иркутской ребелии»⁵, архиерей сразу же столкнулся с потоком жалоб и просьб от местного духовенства [9, с. 53–59].

---

⁴ Славяно-греко-латинская духовная академия – первое в России высшее учебное заведение, учрежденное в 1687 г. с целью подготовки образованных кадров для нужд государства.

⁵ «Иркутская ребелия» (бунт, мятеж) – события 1733 г., связанные с отстранением от должности вице-губернатора А. И. Жолобова в пользу К. К. Сытина, спровоцировавшие бунт, так как, прибыв в город, Сытин скончался, власть перешла к его вдове, действия которой были направлены на создание оппозиции Жолобову. После получения указа Сибирской губернской канцелярии, восстанавливающего Жолобова в прежней должности, он приступил к своим обязанностям, несмотря на протесты горожан. Впервые название «Иркутская ребелия» описываемые события получили в письме И. Д. Бухгольца – военного и государственного деятеля, в 1733 г. управляющего областями, пограничными с империей Цин, коменданта Селенгинска. URL: <https://statehistory.ru/5713/CHest--sluzhba-i-domashniy-byt-rossiyskikh-dvoryan-v-ikh-lichnoy-perepiske-1730-kh-godov/> (дата обращения: 12.02.2021).

Одним из первых его деяний стала борьба за возврат имущества и средств, оставленных прежним епископом Иннокентием (Кульчицким) Вознесенскому монастырю, конфискованных в провинциальную канцелярию по приказу вице-губернатора А. П. Жолобова [9, с. 53–59]. Вице-губернатор обещал вернуть имущество новому архиерею или же отправить его в Синод или Сибирский приказ, но только после решения Сената. Итог этой борьбы остается не проясненным, и исследователи по-разному оценивают его результаты, но вероятно, что в целом вернуть изъятое так и не удалось [2; 6, с. 54; 10, с. 51].

Понятно, что с Жолобовым, лишившимся в 1736 г. головы на плахе по обвинению в казнокрадстве, у вновь прибывшего архиерея не могло сложиться добрых отношений, но и с его преемниками А. М. Плещеевым, А. Ю. Бибиковым и Л. Лангом не возникло взаимопонимания. Так, с Плещеевым, первоначально благосклонно отнесшимся к главе епархии, разгорелся конфликт, результатом которого стали систематические задержки провинциальной канцелярией архиерейского жалованья как деньгами, так и зерном. Годовое жалованье иркутского епископа в 1731 г. составляло 506 р. 26 к., 647 четвертей ржи и овса и 100 ведер вина. Затем с 1742 г. по просьбам Неруновича оно было увеличено до 906 р. 25 к., 847 четвертей ржи и овса и 200 ведер вина, но выплата жалованья осуществлялась с завидной нерегулярностью⁶. Одной из причин противостояния с иркутскими градоначальниками был вопрос о месте строительства архиерейского дома, когда проявился неуступчивый характер архиерея, не соглашавшегося на какие-либо компромиссы.

Затем последовали ссоры главы епархии с купечеством, которое, по справедливому замечанию Санникова, помимо порицаемого архиереем «заведения кабаков», поддерживало строительство храмов и финансировало церковные нужды [10, с. 52].

Наряду с этим Нерунович, пытаясь следовать своей программе христианизации, занимался миссионерской деятельностью. В 1734 г. он, совершив крещение семьи монгольского ламы Лапсана, отправился в Забайкалье. В Селенгинске епископ встретился с монголом Зайсаном Хатыгиновым, окрестив которого возвел в звание тайши Хатыгинова рода «за добрый пример для других в принятии спасительной христианской веры». В феврале 1736 г. православное крещение с наречением именем Павла Ивановича Нерунова принял степной властелин Балаганского ведомства Бабай Сохуров. Переходивших в православие бурят епископ призывал к оседлому образу жизни с переселением в особые поселения для «ограждения их от обид и притеснений со стороны некрещеных сородичей».

В поле внимания Неруновича находилась и Камчатка. Промемория епископа в Якутскую воеводскую канцелярию (1743 г.) об отправке на Камчатский полуостров священника, церковной утвари, церковного вина и «протчих надобностей» подтверждает его заботу об отдаленных частях зна-

---

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 389. Л. 3.

чительной по территории епархии [5, с. 10–12; 6, с. 46–48]. Помимо этого, архиерей обязывал камчатские причты проводить церковные службы в любых условиях, в том числе при отсутствии всего необходимого для этого, что также свидетельствует о специфике служения на окраинах империи⁷.

В 1735 г. состоялся первый визит епископа Иннокентия в Якутск, где не было уполномоченного от духовного ведомства и местное духовенство вынуждено было самостоятельно решать возникающие вопросы. Визит епископа стал событием для провинциального города. Выявив сложные взаимоотношения местного духовенства, архиерей, считавший своей задачей христианизацию нерусского населения, дал наставления управляющему монастырем и священнослужителям о «защите новоокрещенных от нахальных сборщиков ясака». Кроме того, по его распоряжению была открыта первая церковная школа в Якутии при Спасском мужском монастыре⁸.

Возвращение в Иркутск вновь вовлекло епископа в бесконечные разбирательства и дразги. Так, церковное строительство порождало проблему дефицита духовных кадров, и, не обращаясь за разрешением в Синод, Нерунович провел пострижение в монашество вдовых священников, в том числе и вопреки желанию священнослужителей. По воле епископа игумен Вознесенского монастыря Паисий (Давыдов), исполнявший обязанности главы епархии до прибытия Неруновича, был подвергнут публичной порке (по обвинению в пьянстве), а протоиерей И. Петров сослан в ссылку⁹. Подобные факты пополняли количество жалоб на иркутского архиерея в высшую церковную инстанцию.

Апогеем взаимоотношений епископа и сибирского общества стал октябрь 1738 г., когда в храмах Иркутска была оглашена архиерейская грамота об отлучении от церкви Герасима Кирилловича Лебратовского. Их первая встреча произошла в марте 1733 г. в Тобольске по пути епископа в Иркутскую епархию, когда он попросил у Лебратовского некоторую сумму займа. Затем, уже в Иркутске, Нерунович узнал, что эти средства были получены у восточносибирских монастырей под предлогом займа, когда, будучи доверенным лицом архиерейского приказа, Лебратовский инспектировал монашеские обители и, по свидетельствам современников, забирал (а вернее, грабил) их финансы и имущество. Так, в 1732 г. во время посещения Якутска он не только увез денежные средства Спасского монастыря, но и конфисковал меха и другие ценности обители.

В связи с открывшимися по обращению Иннокентия фактами Тобольской канцелярией было начато следствие, но епископ настаивал на необходимости привлечения виновного к архиерейскому суду. Имеются сведения, что Лебратовский, в свою очередь, писал в Сенат из опасения быть переданным в распоряжение епископа: «Я не служка архиерейский. Я... в прошлых годах... был Троицко-Сергеевой Лавры архимандриту Валааму, а от него

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 607. Оп. 2. Д. 22. Л. 1, 2, 5.

⁸ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 12. С. 188–189.

⁹ РГАДА. Ф. 607. Оп. 15. Д. 175. Л. 1–2; Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 18. С. 306.

отпущен был с бывшим Иннокентием, епископом Иркутским, в Китай. И потом служил при его архиерействе в Иркутске волею своею, без крепости и без всякого письменного обязательства» [2]. Между тем епископ вновь и вновь обращается в Сибирскую канцелярию с просьбой либо осудить Лебратовского светским судом, либо передать его суду духовному. Ответов не последовало, а Лебратовский, по свидетельствам современников, «наносил оскорбления словами архиерею»¹⁰.

Все попытки привлечь растратчика к ответу успехом не увенчались, более того, на сторону Лебратовского встала светская власть, и вот тогда Иннокентий решился на крайний шаг – отлучение. Он запретил напутствовать тяжело заболевшего виновника, и после рождения у него ребенка владыка, несмотря на просьбы вице-губернатора Плещеева, не только не разрешил дать очистительную молитву его супруге, но и запретил крестить младенца.

В реалиях современности сложно представить роль и значение религии в повседневности живущих в XVIII столетии, когда церковные каноны и правила являлись неотъемлемой частью мировоззрения, а отлучение от церкви было более чем серьезным наказанием. Но, вероятно, потомок ссыльного поляка Лебратовский принадлежал к авантюристам, которых в этот период было достаточно на просторах Сибири. Решительный и беспринципный, он, несмотря на публичное отлучение, сделал неплохую карьеру. В 1744–1755 гг., будучи в чине асессора, служил в составе IV Русской миссии в Китае, был директором китайского каравана. Имеются косвенные сведения о том, что, кроме прочего, он также занимался и вопросами промышленного шпионажа секретов китайского фарфора.

Так или иначе, но отлучение Лебратовского привело к окончательному разрыву Неруновича и вице-губернатора. Проживая в монастыре за рекой Ангарой, владыка старался как можно реже посещать Иркутск. И когда в сентябре 1736 г. в город пришла весть о знаменательном событии Русско-турецкой войны (1735–1739 гг.)¹¹ – взятии Перекопской линии и необходимости проведения благодарственного молебна с колокольным звоном и пушечной пальбой, Плещеев письменно обратился к архиерею с просьбой прибыть в Иркутский собор. 12 сентября епископ служил в соборе. Затем, через два дня, торжественная служба была проведена и в Вознесенском монастыре, по ее окончании архиерей приказал «выпалить из двух пищалей» [Там же]. Звуки выстрелов были слышны в городе, после чего покои епископа посетили солдаты, посланные вице-губернатором с расспросами о причинах стрельбы в монашеской обители, и разгневанный архиерей приказал арестовать пришедших. Данная история стала основой городских слухов о перестрелке епископа и вице-губернатора.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 70.

¹¹ Русско-турецкая (русско-австро-турецкая) война 1735–1739 гг., война между Российской (в союзе со Священной Римской империей) и Османской империями, вызванная противоречиями в связи с «польским наследством» и походами крымских татар на южнорусские земли в соответствии со стратегией России по выходу к Черному морю.

В этот период прошения иркутского архиерея в Синод и Сибирскую канцелярию приобретают постоянный характер. В 1739 г. епископ направляет в Синод очередную просьбу о разрешении приехать в столицу для личного разъяснения ситуации, подчеркивая невозможность подробного письменного изложения всех епархиальных дел. Нерунович подчеркивает, что в случае отказа ему «уже нельзя будет иметь впредь жительство в Иркутской епархии»¹². Следовательно, он осознавал свою непопулярность, и можно предположить, что, добиваясь возможности посетить столицу, настаивал бы на переводе или отставке.

Из текста донесения епископа можно составить мнение о плачевном положении духовных дел в Восточной Сибири. Он указывает, что местные гражданские начальники препятствуют процессу христианизации, стараются не замечать льготы для новокрещенных по уплате ясака (5 лет для всех и 10 лет для камчадалов), допускают притеснения неофитов; сообщает, что не получал и не получает, по примеру других архиереев, ничего «для приобретения даров для христианизации и... вынужден был снабжать при крещении их одеждой и пищей из своих средств»¹³. Кроме того, он доносит, что организация миссионерских поездок и объездов паствы представляет значительную сложность, так как иркутские власти не выдают бесплатных подвод. Заметим, что данная ситуация тоже была связана с взаимоотношениями глав епархиальной и светской властей. Во время первого путешествия Неруновича в Якутск необходимый транспорт (подводы) был предоставлен на длительный срок и без оплаты, но постоянные конфликты привели к тому, что за обеспечение поездок архиерея стали требовать двойную оплату.

Нерунович констатирует, что в отдаленном Иркутске нет ни средств, ни «искусных и добрых» учителей не только латинской, но и русской грамматики, в связи с чем «невозможно иметь не только семинарию, но и школу». Замечает, что его просьба о перераспределении епархиальных средств для оплаты труда преподавателей так и не была одобрена, а используемые монастырские средства «оскудели». Он указывает, что школьное здание при Вознесенском монастыре «обветшало и погнило», а Иркутская канцелярия, несмотря на многочисленные обращения, не выделяет финансирование, так же как и место для строительства нового здания. Архиерей пишет, что вынужден проживать вместе со свитой в «хижине, построенной на свои средства» за рекой Ангарой, т. е. за городом, так как место для архиерейских покоев также не отведено.

Он настаивает на посещении столицы для обоснования своих требований не только перед Синодом, но и перед светской властью и «даже для доклада императрице». Но Синод определением от 18 января 1740 г. дает указания Иркутской провинции о необходимости льгот по ясаку, выделении средств на «одаривание новоокрещенных», обеспечении архиерея бесплатными подводами, прогонными и поверстными деньгами, строительстве в Иркутске архиерейского дома, «не чинении» обид епископу градоначальни-

---

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 69.

¹³ Там же.

ками, не разрешая выезд епископа в Санкт-Петербург, «дабы епархия не осталась без архиерея продолжительное время, тогда как Преосвященному ничто не могло воспрепятствовать обращаться из Иркутска с письменными представлениями и в светские команды и к самой Императрице»¹⁴.

Исследователи отмечают, что к началу 1740-х гг. епископ сумел восстановить против себя большинство иркутян и, переживая душевный кризис, в 1741 г. уезжает в длительную миссионерскую поездку в Якутию [10, с. 53]. Добирается до берегов рек Лены и Вилюя, где находился на протяжении двух лет, благословляя строительство и освящение храмов (в Якутске, Верхневилуйском и Жиганском острогах, Колымских зимовьях, Амгинской слободе и др.) [11, с. 118]. Впечатляет мобильность архиерейских поездок: менее чем за полгода (июль – ноябрь) он посетил 24 волости Якутского уезда¹⁵. Впоследствии его неофитов стали называть «неруновскими» [13, с. 89]. Епископ неоднократно обращался к местной гражданской власти с требованиями о предоставлении льгот новокрещеным, указывая на «жестокое истязания», которым они подвергаются как от сборщиков ясака, так и от канцелярских служителей, и требуя принять меры к чиновникам воеводской канцелярии [12, с. 90–97].

В целом Иннокентий дал нелестную характеристику вверенной ему паствы: «В Якутском присутствии за Якутском около Охотского, Зашиверского и прочих Камчадальских островов, которые отстоят от Якутска весьма в дальнем расстоянии... священников имеется малое число, и то от тех мест в далеком же расстоянии, что ко христианам в дальние места почасту ездить им отсюда не возможно». Сообщал об установленных фактах недобросовестного исполнения обязанностей: «Священников parroхиальных, за дальностию и за неискусством священников самих в проповеди слова Божьего... а есть и иные, что и нарочно от домов своих в иноземческие юрты уезжают к тем кто мало когда исповедуется, а перед своими parroхиальными священниками всякими извенияют себя оговорками и обманствами; да и священники когда за друголюбное прошение, а когда же за бездельную корысть облыгательно в книги пишут неисповедавших исповедавшимися»¹⁶. В исторической литературе встречается мнение о том, что пребывание Иннокентия (Неруновича) в Якутии вызвало недовольство и «местные жители стали уже гласно выражать перед ним, что присутствием его тяготятся»¹⁷ [7, с. 83].

Вернувшись, он удаляется от дел, предписывая не беспокоить его без особых причин. Вероятно, душевный слом и длительные поездки в суровых климатических условиях сказались на его самочувствии. Епископ проводит время в молитвах в Жилкинском скиту Вознесенского монастыря, а тем временем епархиальные дела приходят в запустение, и теперь уже Синод потребовал его приезда для личного отчета. Летом 1746 г. он выезжает в

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 69.

¹⁵ РГАДА. Ф. 607. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–39.

¹⁶ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 50. С. 559–562.

¹⁷ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1869. № 26. С. 325.

Санкт-Петербург, но останавливается в Братской пустыни, где в июле 1747 г. в возрасте 57 лет завершает земной путь.

Исследование личности епископа Иннокентия (Неруновича) дает основание сделать вывод о том, что, будучи облеченным высшей церковной властью и направленным государством на восточные окраины империи для распространения и укрепления православной веры, он не сумел или не захотел понять и принять специфику сибирской идентификации, представляющей в начале XVIII столетия полифонию разноязычных и разноплеменных народов, которым были чужды нормы и традиции христианства. Бескомпромиссность архиерея вступила в противоречие с интересами руководства органов местной светской власти и вызывала негативную его оценку в восточносибирском обществе. Жалобы в вышестоящие органы и учреждения сопровождали весь сибирский период жизни Неруновича. Неуступчивость, пренебрежение к реалиям сибирской действительности и жесткие меры к представителям купечества и духовенства привели его к полной изоляции от общества. Драма Неруновича нашла выражение в его аффилиации к традиционному православию без учета реального положения дел. Миссия второго иркутского архиерея по духовному окормлению и наставлению восточносибирской паствы оказалась невыполнимой. Наряду с этим епископ Иннокентий своей деятельностью по христианизации нерусского населения внес вклад в унификацию культурного пространства Восточной Сибири и содействовал формированию единой общероссийской надрегиональной этнокультурной идентичности.

Список литературы

1. *Акишин М. О.* Честь, служба и домашний быт российских дворян в их личной переписке 1730-х гг. URL: <https://statehistory.ru/5713/CHest-sluzhba-i-domashniy-byt-rossiyskikh-dvoryan-v-ikh-lichnoy-perepiske-1730-kh-godov/htt/> (дата обращения: 11.01.2021).
2. *Андреева Л. В.* Жизнеописание второго епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича). URL: <https://pravbratsk.ru/22753-2/> (дата обращения: 28.01.2021).
3. *Дальман Д.* Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М. : Росспэн, 2016. 558 с.
4. Иркутские архипастыри и викарии Иркутской епархии. Иркутск : Тип. А. Сизых, 1896. 12 с.
5. *Калинина И., Медведев С.* Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 6–37.
6. *Наумова О. Е.* Иркутская епархия XVII – первой половины XIX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 208 с.
7. *Попов Г. А.* Сочинения. В 5 т. Якутск : ЯГУ, ИГИ АН РС(Я), 2005. Т. 1 : История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. 280 с.
8. Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. (И–К). С. 117.
9. *Санников А. П.* Иркутское духовенство и вице-губернатор А. П. Жолобов: протест или вольнодумство // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 53–59.
10. *Санников А. П.* Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 331 с.
11. *Юрганова И. И.* История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск : Академия, 2007. 118 с.

12. Юрганова И. И. «К познанию православного восточной греческой исповедания веры»: о визите епископа Иннокентия (Неруновича) в Якутский уезд // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 28. С. 90–97.

13. Явловский П. П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. Якутск, 2002. Т. 1 : 1632–1800 гг. 250 с.

Bishop Innokenty (Nerunovich): Mission Impossible...

I. I. Yurganova

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article considers the activity of the second Irkutsk diocesan bishop-Bishop Innokenty (Nerunovich), who headed the diocese in 1733–1747, which received various assessments. It is proved that the initial aspirations of the bishop, characterized by the draft program for the Christianization of the indigenous population of Eastern Siberia, remained largely unfulfilled, including due to conflicts with the local secular authorities. Denounced by the highest church authority, Bishop Innokenty failed or did not want to understand and accept the specifics of Siberian identification, which represents a polyphony of multilingual and diverse peoples, alien norms and traditions of Christianity, the bishop's unwillingness to compromise, disregard for the realities of Siberian reality, and harsh measures against representatives of merchants and clergy led to isolation in local society. It is concluded that the drama of Nerunovich consisted in his unconditional affirmation of traditional Orthodoxy, without taking into account the surrounding mentality, and made the mission of spiritual care and guidance of the East Siberian flock impossible. Along with this, the bishop's work on the Christianization of the non-Russian population left a mark on the history of Siberian Orthodoxy.

Keywords: Bishop Innokenty (Nerunovich), missionary work, the Irkutsk diocese, A. P. Zholbov, M. A. Pleshcheyev.

For citation: Yurganova I.I. Bishop Innokenty (Nerunovich): Mission Impossible.... *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 36, pp. 4-14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.4> (in Russian)

References

1. Akishin M.O. *Chest, sluzhba i domashnij byt rossijskikh dvorjan v ih lichnoj perepiske 1730-h gg.* [Honor, Service, and Domestic Life of Russian Nobles in their Personal Correspondence of the 1730s]. Available at: <https://statehistory.ru/5713/Chest-sluzhba-i-domashnij-byt-rossijskikh-dvoryan-v-ikh-lichnoj-perepiske-1730-kh-godov/> (date of access: 21.01.2021). (in Russian)
2. Andreeva L.V. *Zhizneopisanie vtorogo episkopa Irkutskogo Innokentija (Nerunovicha)* [The life of the second bishop of Irkutsk Innokenty (Nerunovich)]. Available at: <https://pravbratsk.ru/22753-2/> (date of access: 2021.01.28). (in Russian)
3. Dalman D. *Sibir' s XVI v. i do nastojashhego vremeni* [Siberia from the XVI century to the present]. Moscow, Rosspjen Publ., 2016, 558 p. (in Russian)
4. *Irkutskie arhiepastyri i vikarii Irkutskoj eparhii* [Irkutsk archpastors and vicars of the Irkutsk diocese]. Irkutsk, A. Sizykh Publ., 1896, 12 p.
5. Kalinina I., Medvedev S. *Duhovnyj vertograd Sibiri* [Spiritual Helicopter of Siberia]. *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land], 2000, no. 14, pp. 6-37. (in Russian)
6. Naumova O.E. *Irkutskaja eparhija. XVII – perv.pol. XIX vv.* [Irkutsk Diocese. XVII–first half of the XIX centuries]. Irkutsk, Irkutsk State Tehn. Univ. Publ., 1996, 208 p.
7. Popov G.A. *Sochineniya. T. 1. Istoriya hristianskogo prosveshcheniya yakutov drugih inorodcev Yakutskoj oblasti. Ocherki po istorii Yakutii* [The history of the Christian education

of the Yakuts of other foreigners of the Yakutsk region. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk, YaGU, IGI AN RS(Ya) Publ., 2005, vol. 1, 280 p. (in Russian)

8. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]*. F.607. (in Russian)

9. Sannikov A.P. *Irkutskoe duhovenstvo i vice– gubernator A.P. Zholobov: protest ili vol'nodumstvo [Irkutsk clergy and vice– governor A. P. Zholobov: protest or freethinking]*. Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija. Istorija [Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Series. History]. 2014, vol. 9, p. 53-59. (in Russian)

10. Sannikov A. P. *Cerkov, obshchestvo i gosudarstvo na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii v XVII– XVIII vv. [Church, society and state on the Eastern outskirts of the Russian Empire in XVII– XVIII centuries]*. Irkutsk, IGU Publ., 2016, 311 p. (in Russian)

11. Yurganova I.I. *Istorija Yakutskoj eparhii. 1870-1919 gg. (deyatelnost' duhovnoj konsistorii)* [History of The Yakut diocese. 1870-1919. (the activity of the spiritual Consistory)]. Yakutsk, Akademiya Publ., 2007, 148 p. (in Russian)

12. Yurganova I. I. *K poznaniju pravoslavnogo vostochnoj grecheskoj ispovedanija very»: o vizite episkopa Innokentija (Nerunovicha) v Jakutskij uezd [To the knowledge of the Orthodox Eastern Greek Confession of Faith": on the visit of Bishop Innokenty (Nerunovich) to the Yakut Uyezd]*. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 28, pp. 90-97. (in Russian)

13. Yavlovskij P.P. *Letopis goroda Yakutsk ot ego osnovaniya do nastoyashchego vremeni. T. 1. (1632–1800 gg.)* [Chronicle of the city of Yakutsk from its foundation to the present. Vol. 1. 1632–1800]. Yakutsk, 2002, 250 p. (in Russian)

Юрганова Инна Игоревна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Институт российской истории РАН
Российская Федерация, 117292, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: inna.yurganova@mail.ru

Yurganova Inna Igorevna

Doctor of Sciences (History),
Leading Researcher Fellow

Institute of Russian History RAS
19, Dmitry Ulyanov st., Moscow, 143080
Russian Federation
e-mail: inna.yurganova@mail.ru